

Шэнь Цинжань не успел толком понять, с чего это Сюэ Фэйфэн вдруг на него ополчился, как ощутил боль в щеке. Сюэ Фэйфэн сокрушенно и с досадой на его беспечность щипнул его за щеку:

— Топор еще над стопой висит, а ты уже руки опустила!

Шэнь Цинжань скривил губы: так ведь человек, подхвативший топор, — это Сюэ Фэйфэн!

— А если в следующий раз на это окажусь не я, ты тоже так сделаешь? — Сюэ Фэйфэн насквозь видел мысли Шэнь Цинжана, и от этого у него разболелась голова.

Шэнь Цинжань повел взглядом — его глаза были чистыми, точно прозрачная вода. Да и кто бы еще пришел ему на помощь, кроме Сюэ Фэйфэна? И у кого нашлась бы такая молниеносная реакция? Он с кротким видом кивнул, показывая, что усвоил урок, а у уголков его губ скользнула едва заметная улыбка. За столько дней Сюэ Фэйфэн наконец-то сам заговорил с ним о чем-то, кроме еды и сна.

Разве мог Сюэ Фэйфэн упустить из виду эту беспечную рожицу Шэнь Цинжана? Досадую, он прижал пальцы сильнее, оставив на его щеке красное пятнышко. Но встретив чистый, довольный взгляд Шэнь Цинжана, нацеленный прямо на него, так и не смог заставить себя наказать его строже — оставалось лишь досадовать про себя.

Сюэ Фэйфэн отодвинул Шэнь Цинжана себе за спину, встал на его место, сжал топор и в пару взмахов переколол всю кучу дров.

Шэнь Цинжань стоял подле него, опустив глаза, и даже не помышлял подсобить. Он прекрасно знал пределы своих сил: сунься он помогать — только помешает Сюэ Фэйфэну.

Вот только деревенские сплетницы остались недовольны. За пирожками няньгао по умолчанию посылали снох да невест из семьи, все свято блюли это правило, так с какого перепугу Сюэ Фэйфэн пришел помогать своей молодухе колоть дрова?

Репутация у Шэнь Цинжана была такая, что собака и та брезговала, — видно, ему невероятно повезло в прошлой жизни, раз ему привалило такое собачье счастье!

И хотя благодаря Сюэ Фэйфэну дело спорилось куда быстрее, бабы чувствовали себя так, будто их ущемили в правах. Они шептались и переглядывались, ворча, что Сюэ Фэйфэну нечего мешаться в бабьи дела — тоже мне настоящий мужик, и шагу не может ступить без своей «женушки»!

Шэнь Цинжань мысленно закатил глаза. Осенний урожай собран, зимние припасы спрятаны, в двенадцатом месяце крестьянам делать в полях нечего. Мужики прохлаждаются дома, выдумывая всякие собачьи правила, а бабы, сами же страдающие от их дурости, сплотились и отторгают такого нормального человека, как Сюэ Фэйфэн, который пренебрегает глупыми условностями и просто бережет свою жену.

Сюэ Фэйфэн обладал куда более острым слухом, чем Шэнь Цинжань, и слышал всё до единого слова. При мысли о том, что в местах, скрытых от его глаз, Шэнь Цинжань изо дня в день терпит подобные судачества, его сердце щемило от жалости.

Неудивительно, что Шэнь Цинжань для прогулок выбрала именно безлюдную Каменистую гору!

«Бам!» — оглушительный стук тяжелого бревна о землю заставил шептавшихся баб застыть от страха.

Сюэ Фэйфэн грохнул последний чурбан о валун и тяжелым, давящим взглядом смерил баб:

— Цинжань не может говорить, вот она и терпит от вас обиды без слова в ответ. Но я советую вам знать меру и попридержать свои языки.

— Ишь ты, нога зажила, так и речи стали дерзкими... — язвительно бросила одна из бабок сзади, да только стоявшие рядом деревенские молча отступили на шаг, выставив ее прямо перед Сюэ Фэйфэном. И лишь встретившись с его леденящим, грозным взглядом, она своими глазами увидела, как валун под чурбаном раскололся пополам, а само бревно от страшного удара стерлось чуть не наполовину!

Всякая ругань мгновенно затихла, и никто не смел больше поднять глаза на Сюэ Фэйфэна.

Сюэ Фэйфэн взял Шэнь Цинжаня за руку и повел прочь, ласково поглаживая палец на его большом пальце. Поразмыслив, он произнес:

— Впредь на подобные сборища больше не ходи.

Шэнь Цинжань впервые держался с кем-то за руку вот так, поэтому всё его внимание было поглощено этим маленьким жестом Сюэ Фэйфэна. Не расслышав слов, он невпопад кивнул.

Неужели держаться за руку с человеком, обладающим высоким мастерством боевых искусств и внутренней энергией, — всегда так? Ладонь покалывало и зудело, точно от легкого разряда тока, и обдавало жаром... А не переливает ли Сюэ Фэйфэн ему потихоньку свою внутреннюю силу?

Сюэ Фэйфэн решил, что тот соглашается неохотно, и пояснил:

— Я не запрещаю тебе выходить из дома, я лишь не хочу видеть, как ты снова страдаешь или калечишь себя. Если бы ты могла пообещать... Эх, ладно.

Шэнь Цинжань торопливо схватил его за рукав и закивал изо всех сил: да обещает он, обещает!

Без всякой причины кому охота калечиться, тем более такому лентяю, как Шэнь Цинжань? В прошлый раз, когда они заговорили об этом с Сюэ Фэйфэном, он промешкал, и все закончилось разладом. На этот раз нужно ловить момент и объясниться с Сюэ Фэйфэном без утайки.

Глядя, как Шэнь Цинжань кивает, словно цыпленок, клюющий зерно, Сюэ Фэйфэн переполнился нежностью и теплотой. Он нахмурился, некоторое время колебался и наконец с виной в голосе произнес:

— Через пару дней у тебя день рождения, но у меня образовалось неотложное дело, и мне нужно срочно покинуть горы. Я постараюсь успеть вернуться.

Шэнь Цинжаня будто за горло схватили, он в испуге воззрился на него: неужто придется встретиться с «кузеном» раньше времени?!

— Лекарь сказывал, что как только я встану на ноги, мне в течение десяти дней нужно обязательно еще раз показаться ему, — полуправдой соврал Сюэ Фэйфэн. Поездку к божественному лекарю вполне можно было бы отложить — день рождения Шэнь Цинжань

бывает лишь раз в году, к тому же Сюэ Фэйфэн специально разучил одно блюдо, чтобы состряпать ее для него.

Но нынче утром Чан Бай доложил, что Му Вэнькоу, владелец «Тянься», расследуя дело о грузовом судне, потянул за ниточку и вышел прямо на них, потребовав личной встречи с Сюэ Фэйфэном.

Торговцы без выгоды и палец о палец не ударят. Очевидно, если Сюэ Фэйфэн не явится на встречу, Му Вэнькоу сольет эту весть наследному принцу, дабы выгадать себе пользу.

Сюэ Фэйфэн не боялся разоблачения: если Сюэ Лифэн (наследный принц) снова посмеет строить козни, они просто посчитаются и по новым, и по старым счетам разом.

Но он бросил взгляд на Шэнь Цинжаня, не ведавшего лишений и невзгод, и вспомнил свою клятву: не давать Шэнь Цинжаню познать жестокость войны.

Испуг на лице Шэнь Цинжаня был слишком очевиден, и Сюэ Фэйфэн, судя по сегодняшней стычке, решил, будто тот просто боится оставаться один в деревне. Но в этот раз взять его с собой он не мог.

— Я дам тетушке Чжан пару лянов серебра, и ты поживешь у нее пару дней. — А сам тем временем кликнет Чан Мина присмотреть за ней.

Шэнь Цинжань покрутил головой: жить в доме тетушки Чжан ему совсем не улыбалось. У тетушки Чжан в семье жили и мужчины, и женщины; напроситься к ним в женском платье было бы верхом неуважения к хозяйским женщинам. К тому же — он вскинул глаза на Сюэ Фэйфэна — этот парень перед ним, видать, отродясь не жил под одной крышей с девицами, оттого и не замечал подвоха. А вот у тетушки Чжан... Шэнь Цинжань аж содрогнулся: можно было наперед гадать, что через два дня Сюэ Фэйфэн вернется — а «женушки» у него и нет, разоблачили!

«Я и один дома отлично справлюсь», — твердо вывел Шэнь Цинжань.

— Ладно, — рассудил Сюэ Фэйфэн: если заранее вызвать Чан Мина, беды не случится. — Чего ты хочешь? Я куплю тебе в подарок на день рождения.

В прошлый раз Сюэ Фэйфэн потратил деньги на пять му сахарного тростника, после чего Шэнь Цинжань несколько дней ходила смурной и сама не своя. Сюэ Фэйфэн помнил об этом и с тех пор опасался покупать что-либо наобум. Лучше спросить напрямую, а потом купить в десять, а то и в сто крат больше — тут уж точно не прогадаешь!

Шэнь Цинжань: «Не переводи деньги понапрасну».

Сюэ Фэйфэн прижал его руку, выводящую слова, и с намеренным глуповатым видом прикинулся:

— Что это ты тут пишешь? Не разберу.

Шэнь Цинжань нахмурился и смерил Сюэ Фэйфэна сердитым взглядом. Зная, что привычку Сюэ Фэйфэна бросаться деньгами не исправить, он ненадолго задумался и решительно вывел на его ладони: «Землю».

Много-много земли.

Каждая черта выводилась словно кровью — Шэнь Цинжань поклялся, что больше всего на свете ненавидит земледелие.

На этот раз Сюэ Фэйфэн искренне опешил:

— Ты написала "земля"? — Выходит, в прошлый раз он угадал с подарком? Но Шэнь Цинжань ведь явно выглядела недовольной!

Шэнь Цинжань со слезами на глазах подтвердил: «Много земли. И лучше всего — чтобы на ней ничего не росло!»

Сюэ Фэйфэн отправился в путь в тот же день.

Шэнь Цинжань радостно сгреб одеяло и ушел спать в его комнату. Если бы Сюэ Фэйфэн не уехал, ему пришлось бы наступать на гордость и проситься стелить себе на полу в его комнате.

В его собственной комнате дух гниения и брожения с каждым днем становился все въедливее. При закрытой двери снаружи ничего не ощущалось, но Шэнь Цинжань, обладая чутким обонянием, уже через пару минут пребывания внутри начинал испытывать тошноту и недомогание.

Он развалился на полу в комнате Сюэ Фэйфэна и сладко вздохнул, ощущая неопиcуемый покой и безопасность.

Чан Мин, сидевший на крыше, озабоченно покачал головой.

Госпожа так любит генерала! Стоило генералу уехать, как госпожа тут же перебралась спать в его комнату. Но почему же тогда дитя у нее в животе — не от генерала?

Эх, до чего ж бедный у них господин!

Чан Мин пошмыгал носом: то ли ему мерещится, то ли в доме у господина и впрямь воняет...

Почему это чем дальше растет грибница, тем сильнее вонь?

Система: «Ты что, навозом ее поливал?»

Шэнь Цинжань: «Ерунда! Я только водой поливал!»

Система выдала ему мешки с грибным мицелием нескольких сортов, густо перевитые белыми нитями. Нужно было лишь поддерживать влажность воздуха, и грибы росли сами — идеальный вариант для такого лентяя.

Шэнь Цинжань целыми днями только и делал, что поливал да поливал, вот только загнивание продолжалось изо дня в день. Он сидел на пороге и вздыхал: теперь отлично — ему даже выкинуть эти мешки безгласно!

Из опасения, как бы кто не увидел, Шэнь Цинжань держал двери и окна наглухо закрытыми. Проветривания никакого, а от нечего делать он знай себе лил воду — при такой сырости странно было бы, если бы грибы не сгнили!

Система: «Руководство по разведению грибов», всего за двести баллов. Не хотите ознакомиться?»

Шэнь Цинжань покупаться не стал, да еще и пригрозил системе: «Гниют они или нет — неважно! Раз они выросли, а потом сгнили, изволь засчитать баллы. Будешь и дальше вымогать баллы — я у тебя мацутакэ затребую!»

Мацутакэ на данный момент искусственному разведению не поддавался, и система содрогнулась, вспомнив ужас, вызванный Орхидеей Призраком.

При этой мысли Шэнь Цинжань погладил подбородок: а ведь мацутакэ вырастить не так уж и невозможно! Если он невзначай разработает технологию их искусственного разведения, не выкатит ли ему система этак тысяч сто восемь наградных баллов?

Шэнь Цинжань прямо-таки опешил от предвкушения сказочных баллов и радостно расплылся в улыбке, но в следующее мгновение втянул носом воздух и тут же протрезвел от зловония.

Ладно, сперва надо разобраться с обычными грибами.

Он, зажав нос, учинил смотр своей грибной плантации, мысленно похвалив те грибы, что не сгнили, и решая дожидаться, пока созреет эта волна, чтобы разом выгрести все мешки прочь.

Зачем разбивать на два раза работу, которую можно проделать за один заход?

Усадьба «Тянься», филиал в провинции Миньчжоу.

Над чашкой свежесваренного чая струился легкий парок. Сидевший слева Му Вэнькоу был облачен в парчовые одежды, подпоясан шелковым кушаком и выглядел безупречно с иголки. Тонкие губы изогнулись в легкой полуулыбке, придавая его суровому облику некую лукавую, темную нотку.

Сидевший справа Сюэ Фэйфэн был в простом платье, с невозмутимым лицом, но от него исходила естественная, властная аура истинного правителя, равных которому сыскать трудно.

Невидимое противостояние: каждый заходил со своего края.

Нефритовая пиала с легким стуком опустилась на край стола. Му Вэнькоу заговорил первым:

— Генерал Сюэ, надеюсь, вы в добром здравии?

— Ближе к делу, — отрезал генерал: он торопился домой, чтобы успеть к дню рождения жены.

— Ха-ха, — тихо хмыкнул Му Вэнькоу. — Генерал Сюэ задействовал караван судов моего бюро охраняемых перевозок, дабы истребить разбойников и избавить народ от беды — дело благородное и угодное людям. Вот только тот, кто стоял за спиной Цао Тунфана...

Му Вэнькоу ловко обмакнул кончик пальца в воду и щелчком смахнул каплю — на столешнице на мгновение проступил еле заметный иероглиф «Ли» и тут же испарился.

— Усадьба «Тянься» отродясь не вмешивалась в дела двора. И брать на себя чужие грехи наша усадьба не намерена.

Человеком, стоявшим за бандой разбойников во главе с Цао Тунфаном, являлся не кто иной, как наследный принц Сюэ Лифэн. С одной стороны, он рассуждал так: разбойники плодятся повсюду, и вместо того чтобы позволить им разрастаться и превращаться в угрозу, способную захватить власть, лучше тайно выйти на Цао Тунфана, посулить ему высокие чины и генеральские звания, превратив его шайку в собственную карманную армию.

Получив охранную грамоту, разбойники грабили и бесчинствовали повсюду, отправляя наследному принцу серебро и фураж для коней, а заодно выманивая из укрытия «возможно, выжившего» Сюэ Фэйфэна.

Один выстрел — три зайца, вот только страдал простой люд.

Взгляд Сюэ Фэйфэна потемнел. Сюэ Лифэн оказался до такой степени безумен и беспринципен! Впрочем, это вызывало лишь сугубое изумление, не более. С тех самых пор, как чиновники провинции Миньчжоу сквозь пальцы смотрели на бесчинства разбойников, Сюэ Фэйфэн подозревал, что при дворе кто-то отдавал тайные приказы не подавлять бунтовщиков. Иначе с умишком Цао Тунфана его бы давным-давно сместили, и он бы ни за что не набрал такую силу.

Цао Тунфан был убит, однако Сюэ Фэйфэн так и не объявился открыто, отчего наследный принц сорвал свой гнев на Му Вэнькоу. Му Вэнькоу, чьи интересы оказались задеты, к тому же будучи куда сообразительнее принца, без труда вышел на след Сюэ Фэйфэна — и в этом не было ничего удивительного.

— Кое-кто угрозами заставляет меня стать вторым Цао Тунфаном, — видя, что Сюэ Фэйфэн не настроен слушать эвфемизмы, прямо сказал Му Вэнькоу. — Что думает об этом генерал?

— Раз хозяин усадьбы уже отказал, к чему спрашивать меня? — отозвался Сюэ Фэйфэн.

— Как купец может устоять перед железными копытами? — вздохнул Му Вэнькоу. — Вековое наследие усадьбы не должно быть разрушено моими руками.

— Хозяин Му слишком скромничает, — Сюэ Фэйфэн отпил чаю. В ту ночь, когда они вместе со стражей грузовых судов истребляли бандитов, он воспользовался случаем и оценил мощь Усадьбы Тянься. Те бойцы отличались железной дисциплиной, ничуть не уступая суровым воинам. Настоящая личная гвардия Му Вэнькоу могла быть лишь еще искуснее, а уж число их и вовсе оставалось неизвестным.

Кабы не железный авторитет Му Вэнькоу, вряд ли в нескольких сотнях караванов по всей стране охранники безропотно наряжались бы в женское платье по первому слову, и никто не смел перечить!

Му Вэнькоу фальшиво улыбнулся:

— Мы люди добропорядочные, так что генералу Сюэ следует относиться к нам справедливо.

Пиалы соприкоснулись — все было понятно без лишних слов.

Сюэ Фэйфэн бросил взгляд на небо:

— Уж поздно, у меня дела.

— Кстати, слышал я, будто Усадьбе Тянься принадлежат десятки тысяч му благодатных земель, — Сюэ Фэйфэн со смыслом посмотрел на Му Вэнькоу. — Хозяин Му молод, да удал.

Му Вэнькоу: «...» Бессовестный какой.

Му Вэнькоу лишь слегка кивнул стоящему рядом стражнику. Спустя некоторое время подчиненный принес и передал Сюэ Фэйфэну стопку купчих на землю высотой в добрых два

пальца.

Когда Сюэ Фэйфэн ушел, подчиненный Му Вэнькоу недоуменно нахмурился:

— Что нам может дать попавший в опалу генерал? Не лучше ли податься под крыло к наследному принцу?

Му Вэнькоу усмехнулся:

— Сюэ Лифэн — негодный человек. Свяжешься с ним — и уже вовек не выпутаешься из сетей двора. Ты присмотришься получше. Сюэ Фэйфэн стубил стотысячное войско, однако сложил доспехи и ушел в деревню, не кинувшись сразу счесться с Сюэ Лифэном. О чем это говорит? Армия Сюэ Фэйфэна никуда не делась.

— Так выходит, дело сладилось? — Подчиненный совсем запутался: выходит, у Усадьбы Тянься теперь появится опора, способная противостоять принцу? Но ведь Сюэ Фэйфэн ничего толком не пообещал, а хозяин выложил целую тысячу му плодородных земель!

— Угу, — Му Вэнькоу мазнул взглядом по тени деревьев и сразу понял, что там укрылся тайный страж Сюэ Фэйфэна.

Тот самый человек, который запутал полкаравана с переодеваниями и нанес усадьбе огромный убыток, — наверняка это был именно он.

Занятно.

Чан Суй, чье лицо всегда оставалось каменным, внезапно нахмурился: что это хозяин Му на него так смотрит?

Сюэ Фэйфэн гнал коня без отдыха и передышки, прибыв в деревню Лицзяцунь аккуратно в день рождения Шэнь Цинжана.

Но не успел он даже приблизиться к дому, как на него хлынула волна тяжелого, сгнившего духа.

Сюэ Фэйфэн мгновенно изменился в лице — он на миг усомнился, уж не померла ли Шэнь Цинжань дома с голоду.

У генерала остались настолько глубокие травмы касательно способности Шэнь Цинжана заботиться о себе, что он начисто забыл об оставленном на страже Чан Мине.

Раздавшийся с дерева свист вернул Сюэ Фэйфэна к реальности.

Чан Мин здесь.

— Шэнь Цинжань! — окликнул Сюэ Фэйфэн.

Шэнь Цинжань не услышал: замотав голову платком и плотно укутав рот и нос, он прилежно выгребал лопатой грибы в комнате.

Ощущение было такое, словно он чистил отхожее место.

Чан Мин, сидевший на ветке поодаль, вздохнул с облегчением: генерал наконец-то вернулся!

Яд, который вывела госпожа, просто ужасающ!

Чан Мин держался исключительно на истой вере: «Такой кошмарный яд госпожа наверняка разрабатывает ради генерала! В будущем на поле боя он сморит тыщи вражеских воинов без единого выстрела!»

Да чем же Шэнь Цинжань занималась дома?!

Сюэ Фэйфэн, преодолевая вонь, шагнул за порог, давая себе клятву: в следующий раз он обязательно возьмет Шэнь Цинжань с собой, иначе страшно представить, какой еще ушат ужаса ждет его по возвращении домой!

<http://bllate.org/book/17933/1989760>